
От составителя

В марте 2015 года исполняется шесть лет со дня кончины Вадима Цымбурского. Увы, пятилетняя годовщина его безвременной смерти оказалась отмечена событиями, которые он предвидел и которых опасался. Евро-Атлантика в своем бездумном расширении попыталась вобрать в себя территории, которые не просто отделяли ее цивилизационную платформу от России, но были теснейшим образом связаны с нашей страной, и полную утрату которых Россия не могла допустить. Не только геополитика Цымбурского, но и все его научное наследие стали предельно актуальными в момент, когда произошло то, что было исключено его геополитической моделью – столкновение европейской и российской цивилизаций на пространстве «лимитрофной» Украины.

Цымбурский считал себя в первую очередь филологом-классиком, но рассчитывал стать доктором философских наук, защитив диссертацию по теме истории русской геополитической мысли XVIII–XX веков. Благодаря поддержке Фонда ИСЭПИ работа над расшифровкой рукописи его диссертации приближается к своему завершению. Читатель настоящего выпуска «Тетрадей» может познакомиться с пятой главой этого труда, посвященной геополитическим исканиям русских мыслителей в растянувшуюся на половину века интермедию между двумя актами вторжения России в европейскую историю.

Геополитические искания Цымбурского, его теоретические идеи и конкретные политические рекомендации вызывали и вызывают многочисленные критические замечания со стороны коллег ученого. Кто-то возражает против самого увлечения выдающегося филолога политическими науками, кто-то не принимает его дрейфа от теоретической политологии к практической геополитике, кто-то имеет претензии конкретно к концепции «Острова России», которая и сделала Цымбурского знаменитым в широких научных кругах. Как сможет убедиться читатель, все эти суждения коллег нашли свое отражение или, во всяком случае, получили обсуждение на страницах настоящего выпуска «Тетрадей».

В связи с часто выражаемой досадой представителей филологического цеха по поводу отхода их выдающегося коллеги в область политической науки я хотел бы поделиться одним эпизодом из жизни моего покойного друга и наставника. Году в 1995-м я заинтересовался историей Берлинского конгресса (1878), наиболее яркого эпизода дипло-

матической истории того периода, которому посвящена публикуемая глава докторской диссертации Цымбурского. Вадим Леонидович посоветовал мне прочесть очень ценный им роман Марка Алданова «Истоки». Я проглотил это замечательное произведение за два дня; помимо других эпизодов многопланового романа, мне врезался в память образ лидера британских вигов Уильяма Гладстона, глубоко набожного, религиозного политика, проживавшего в Харденском замке, где в его распоряжении было два стола: один – для политической деятельности, другой – для литературной. За одним столом будущий британский премьер писал политические речи и статьи, за другим готовил к печати рукопись книги о Гомере. Меня поразили этот портрет интеллектуала-универсала XIX столетия, в котором будто оживали тени титанов эпохи Возрождения. Выдающийся политик викторианской Англии, оказывается, на досуге изучал Гомера. Каково же было мое изумление, когда я узнал от Цымбурского, что его идея о присутствии хеттов в эпосе «Илиады» восходит именно к Гладстону и что, соответственно, филологические опыты британского премьера были отнюдь не бесплодны.

Но, с другой стороны, Гладстон, несмотря на все свои достижения в качестве филолога, останется в памяти европейского человечества прежде всего своими политическими поступками. Думаю, что и его русский ученик войдет в историю своего Отечества в первую очередь геополитическими пророчествами и выводами. И хотя Цымбурский жил совсем не в замке, а в однокомнатной квартире вместе с мамой, пережившей его на целых четыре года, в хрущевской пятиэтажке на окраине подмосковного городка Орехово-Зуево, и у него не было двух столов, а положение премьер-министра ему никак не светило, он, может быть, как никто другой в его время, выразил в своей деятельности тягу русского интеллигента к универсализму, к выходу за пределы своей научной специальности, к тому идейно-эстетическому комплексу, который сам Цымбурский назвал «русским викторианством».

Как и всякому выдающемуся филологу, Цымбурскому оказалось тесно в рамках своей науки – «башне из слоновой кости» классической филологии он предпочел не слишком благодарный труд на ниве политической аналитики. Сегодня, спустя шесть лет после его ухода из жизни, мы можем оценить, насколько мудра, хотя и жестока, была его судьба, не позволившая человеку такого интеллектуального уровня, погрузившись в прошлое, закрыть глаза на современность.